

ISSN 1606-951X

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ

Личность Культура Общество

Международный журнал
социальных и гуманитарных наук

Том XI. Вып. 1 (№№ 46-47)

Москва 2009

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 018755 от 29 апреля 1999 г.
Лицензия ИД № 02739 от 4 сентября 2000 г.

Национальные отделения журнала:

Россия (Российская академия наук, Институт философии)
Беларусь (Национальная академия наук, Институт социологии)
Украина (Национальная академия наук,
Институт мировой экономики и международных отношений)

ЛИЧНОСТЬ. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО.

Том. XI. Вып. 1 (№№ 46-47) 556 с.

Журнал посвящен изучению междисциплинарных и фундаментальных проблем социально-гуманитарных наук. Главная тема его публикаций — человек в обществе и культуре. Он предназначен для исследователей и специалистов, студентов, аспирантов и преподавателей, работающих как «внутри», так и «на стыке» социально-гуманитарных наук, в т.ч. философии и культурологии, социологии и социальной антропологии, экономики и правоведения, политологии и истории, искусствоведения и филологии, педагогики и психологии, теории организации и менеджмента.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по философии, социологии и культурологии, филологии и искусствоведению.

Плата с аспирантов и соискателей ученой степени доктора наук за опубликование их рукописей в журнале не взимается. Журнал издается на средства официальных издателей и вузов — членов Межрегионального совета.

Периодичность выхода журнала — 4 сдвоенных выпуска в год.

Индекс издания в каталоге Роспечати — 79734.

Порядок рецензирования статей и материалов, а также требования к их оформлению размещены в конце каждого выпуска и на вебсайте журнала (см.: www.lko.ru).

За разрешением на перепечатку или перевод материалов, опубликованных в журнале, обращаться непосредственно в редакцию.

Журнал открыт для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения редколлегии.

Содержание	3
Официальные органы журнала	7

✦ Колонка главного редактора

О наших планах	10
----------------------	----

✦ Классическое наследие

ВЕБЕР М. Типы господства (<i>продолжение, пер. А.Б. Рахманова</i>)	12
ГУРВИЧ Ж. Социальные рамки познания (<i>фрагменты из книги, продолжение; пер. А.Б. Гофмана</i>)	22
МОСКА Г. Постоянные армии (<i>пер. А.Б. Рахманова</i>)	37
РЕДФИЛД Р. Народное общество (<i>пер. В.Г. Николаева</i>)	52
ФЕЙЕРАБЕНД П. Наука в свободном обществе. Часть 1. Разум и практика (<i>фрагменты из книги, продолжение; пер. А.Л. Никифорова</i>)	58

✦ Философия в мире и мир философии (к 80-летию Института философии РАН)

МЕЖУЕВ В.М. (<i>Москва, ИФ РАН</i>) Государство и культура	77
--	----

✦ В порядке дискуссии

ФЛИЕР А.Я. (<i>Москва, ВШК МГУКИ</i>) Неизбежна ли культура? (О границах социальной полезности культуры)	90
ПЕЛИПЕНКО А.А. (<i>Москва, РИК</i>) Культура как неизбежность (о субъектном статусе культуры)	99
РЕЗНИК Ю.М. (<i>Москва, ИФ РАН, РИК</i>) За пределами культуры и социальности: проблема трансперсональности	109
ИКОННИКОВА Н.К. (<i>Москва, ГУ ВШЭ</i>) Еще раз об искусственности, латентности и социальности культуры	120

✦ Современная социальная теория

ВЕРХОВИН В.И., ИОНОВ А.А., ИОНОВ Б.А. (<i>Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова</i>) Проблемы современного западного рыночного общества в интерпретации Ю. Хабермаса	128
ГЛОСТАНОВА М.В. (<i>Москва, РУДН</i>) Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания (<i>окончание</i>)	143

✦ Политика и общество

КАСТЛЕС С. Нация и империя: иерархия гражданства в новом мироустройстве (<i>окончание; пер. В.В. Ушаковой</i>)	158
КОЧЕТКОВА Л.Н. (<i>Москва, МИРЭА</i>) Социальное государство: философский анализ сущности	169

✦ Гражданское общество в России: состояние и перспективы

СМИРНОВ В.Э. (Минск, ИС НАНБ) К вопросу об операционализации понятия «гражданское общество»	176
МЕРСИЯНОВА И.В. (Москва, ГУ – ВШЭ) Предпосылки формирования гражданского общества в России	186
ПАХОМОВ С.А. (Иваново, филиал СЗАГС) Культура малых сообществ в современной России: к постановке проблемы	193

✦ Искусство и жизнь

Образ чувства: мир художника Елены Гориной (окончание)	206
ШУСТЕРМАН Р. (США, Атлантический университет) Форма и «фанк»: эстетический вызов популярного искусства (предисловие к переводу и пер. Н.Л. Соколовой)	225

✦ Кафедра

ГУРЕВИЧ П.С. (Москва, ИФ РАН) Новые темы философской антропологии. Очерк 1. Феномен деантропологизации человека	236
---	-----

✦ Научные доклады

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

БЕЛЯКОВА Л.Ю. (Санкт-Петербург, СЗАГС) Проблематика свободы в образовательном пространстве в классической немецкой философии	251
ЗЕНЕЦ Н.Г. (Омск, ОмГМА) Человек как субъект философского мыслетворчества	258
КРАНК Э.О. (Чебоксары, ЧГПУ) К вопросу о самоидентификации фотографии как культурологического феномена	263
МАКАРОВ Д.В. (Ульяновск, УГТУ) Предостережение «основоположника» постмодернизма (категория истины в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита») ..	270
ОБИДИНА Ю.С. (Йошкар-Ола, МарГУ) Мифогенные истоки идеи воздания: от мифопоэтической символики к умозрительной рациональности	277
СОКОЛОВ А.С. (Петрозаводск, ПетрГУ) Социальная реальность как предмет историко-философского осмысления	285
ТИХОНОВ А.С. (Чебоксары, ЧГПУ) «Нематериальность сознания» в материалистической философии	290

ЭКОНОМИКА И СОЦИОЛОГИЯ

ГЕНОВА Н.М. (Омск, ОмГУ) Формирование региональной культурной политики (теоретические аспекты)	296
КОЗЫРЬКОВ В.П. (Нижегород, ННГУ) Теоретические проблемы становления социологии дома	301
ЯЙЛИ Е.А. (Санкт-Петербург, СЗАГС) Применение методологии риска в управлении уровнем экологической безопасности на урбанизированных территориях	310

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВОВЕДЕНИЕ

ЕГОРОВ А.Г. (Санкт-Петербург, СЗАГС) Борьба как один из видов взаимодействия полюсов бинера	316
---	-----

КУЧЕРЯВЫЙ М.М. (<i>Санкт-Петербург, СЗАГС</i>) Проблемы обеспечения военной безопасности РФ в воздушном и космическом пространстве	323
МАЛЫШЕВА Е.Г. (<i>Омск, ОмГУ</i>) Универсальная идеология «спорт» в политическом дискурсе СССР и современной России	330
МИЛЛЕР А.Е. (<i>Омск, ОмГУ</i>) Социальные аспекты реструктуризации производства	337
ИЛЬИН И.С. (<i>Великий Новгород, НГУ им. Я. Мудрого</i>) Проблема негативного отношения к праву в России	345

ФИЛОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДРОВА С.П. (<i>Санкт-Петербург, СЗАГС</i>) Борьба парламентской оппозиции с короной против усиления королевской власти (1673 по 1681 гг.)	352
ГЛУШКОВА Т.С. (<i>Омск, ОмГУ</i>) Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира	359
ЕРМОЛАЕВА Н.Л. (<i>Иваново, ИвГУ</i>) Слово «судьба» в творчестве русских писателей середины XIX в.	365
ЖИРУНОВ П.Г. (<i>Арзамас, АГПИ</i>) Поэтика повествования произведений Н.С. Лескова (к постановке проблемы)	371
КОВАЛЕНКО О.В. (<i>Санкт-Петербург, СЗАГС</i>) Деятельность К.П. Победоносцева как идеолога русского консерватизма	378
КУРДИН Ю.А. (<i>Арзамас, АГПИ</i>) Мифологические рассказы Арзамасского края	383
ПАТРОЕВА Н.В. (<i>Петрозаводск, ПетрГУ</i>) Языковая личность, языковая рефлексия, языковая игра (размышления над страницами «Записных книжек» П.А. Вяземского)	391
РОМАНЫЧЕВА Е.В. (<i>Иваново, ИвГУ</i>) Принципы фольклоризма в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»	398
САДЫХОВА А.А. (<i>Санкт-Петербург, СЗАГС</i>) Становление арабской публицистики в Европе (XIX век)	402
СМЕЛИК Р.Г. (<i>Омск, ОмГУ</i>) Особенности социальной защиты членов семей военнослужащих в дореволюционной России	408
УЖОВА О.А. (<i>Иваново, ИвГУ</i>) Лингвострановедение и словарь	412
ФЕЙЗУЛЛАЕВА З.М. (<i>Иваново, ИвГУ</i>) Духовная переключка эпох	418
ЮНАКОВСКАЯ А.А. (<i>Омск, ОмГУ</i>) Гендерные исследования с исторической точки зрения	422

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ГНАТЫШИНА Е.А. (<i>Челябинск, ЧГПУ</i>) Компетентностный подход к подготовке педагога профессионального обучения	429
ДМИТРЕНКО Т.А. (<i>Москва, МПГУ</i>) Совершенствование языковой подготовки и повышение качества преподавания в вузе	436

РАЗНЫЕ СТАТЬИ

МУСОХРАНОВА М.Б. (<i>Омск, ОмГМА</i>) Социально-исторические истоки понятия «термин»	443
--	-----

★ Научная жизнь

Международная научная конференция «Филология – Искусствознание – Культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (пос. Белые Столбы, 2-4 апреля 2009 г.)	451
III Междисциплинарный научный симпозиум с международным участием «Социальная теория и проблемы социально-гуманитарного образования на постсоветском пространстве» (г. Рязань, 24-26 апреля 2009 г.)	452

I Междисциплинарный научный симпозиум с международным участием «Социальная теория и проблемы личности в современном обществе» (г. Курск, 28-30 мая 2009 г.)	454
II Междисциплинарный научный семинар с международным участием «Современная социальная теория: проблемы и перспективы» (г. Москва, РУДН, 5 июня 2009 г.)	457
VII Конгресс этнологов и антропологов России. Секционное заседание «Глокализация: единство и многообразие современного мира в культурологическом измерении» (г. Оренбург, 1-5 июля 2009 г.)	458
V Российский философский конгресс «Наука. Философия Общество» (Новосибирск, 25-28 августа 2009 г.)	459
ШАЛАЕВ В.П. (Йошкар-Ола, МарГТУ) Открывая второе тысячелетие: из истории региональных научных движений	460

✦ Разминка для ума

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ. Записная книжка трикстера (продолжение)	463
--	-----

✦ Профессиональное кредо

К юбилею Н.А. Степанова	
РЕЗНИК Ю.М. Человек дела: введение в образ (часть 1)	470
РЕЗНИК Ю.М., СТЕПАНОВ Н.А. Человек дела: интервью (часть 2)	495
ПОДОЛЬ Р.Я. О человеке и профессионале!	510
ЩЕРБИНА В.В. О Н.А. Степанове	511

✦ Обзоры и рецензии

ГУРЕВИЧ П.С. (Москва, ИФ РАН) Новые книги наших коллег	514
ПОВШЕДНАЯ Ф.В. (Нижний Новгород, НГПУ) Народный учитель по призванию	526

Прощальное слово

✦ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА КУЛТЫГИНА

Человек большой души (Ю.М. Резник)	528
От коллег и учеников	529

ПАМЯТИ ЮРИЯ ВАЛЕРИАНОВИЧА ПЕРОВА

От коллектива факультета философии и политологии СпбГУ	533
Над гробом друга (Г.Ф. Сунягин)	533

Информация для читателей

Изменения в составе редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество»	536
Сведения о составе общественных советов региональных отделений журнала «Личность. Культура. Общество» (на 1 января 2009 г.)	538
Порядок рецензирования статей в журнале «Личность. Культура. Общество»	542
Требования к оформлению статей и материалов, поступающих в редакцию	542
Читайте только в нашем журнале. Список переводов научной классики (1999-2009)	547
Приглашение к дискуссии в журнале «Личность. Культура. Общество»	549
Содержание (на английском)	551

Н.К. ИКОННИКОВА

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСКУССТВЕННОСТИ, ЛАТЕНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРЫ

Автор показывает, что культура всегда искусственна и латентна. Искусственность проявляется в сочетании и противостоянии тенденций роста утилитарности, инструментальности и, с другой стороны, эстетизации культуры. Латентность культуры подразумевает признание ее особым маскирующим и мистифицирующим механизмом, легитимирующим социальные нормы и правила с помощью ценностей, аргументов и эмоциональных оценок. В статье определяется понятие «социальной культуры». В качестве ключевой функции культуры выделяется конструирование образа будущего.

The author considers culture is inevitably artificial and latent. Artificial is shown in a combination and opposition of tendencies of growth of utility, instrumental value and, on the other hand, aesthetic significance. Latency of cultures means that it is some masking and mystifying mechanism, legitimizing social norms and rules by means of values, arguments and emotional estimations. In article, the concept of “social culture” is defined. Image of future designing is marked out as key function of culture.

Ключевые слова: культура, искусственность, латентность, социальные культуры, образ будущего.

Keywords: culture, artificial, latency, social cultures, image of future.

Мало какие тексты, подобно статье Андрея Яковлевича Флиера, сочетают в себе аргументированность и вместе с тем полемичную заостренность, провоцирующие дискуссию и стимулирующие новые вопросы и раздумья.

И первый пункт, который требует интерпретации и реакции, — это вынесенное в название понятие «социальной полезности культуры».

Сегодня в публичных текстах культура с точки зрения ее значения для социума и личности рассматривается преимущественно в двух вроде бы противоположных — и поэтому смыкающихся — ролях: о культуре говорят либо как о «проблеме» и источнике барьеров и противоречий, либо как об универсальном средстве решения социальных проблем (или, по крайней мере, способа «выпустить пар»). В первом случае особенностями культуры, традиций, ценностей объясняют (оправдывают) любые негативные явления в обществе: от низкой производительности труда до межнациональных конфликтов. Во втором — для решения этих и других проблем, коренящихся в социальном нера-

Иконникова Наталья Кирилловна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии Государственного университета «Высшая школа экономики», отв. секретарь нашего журнала (Москва). E-mail: n.k.ikonnikova@gmail.com.

венстве, доступе к ресурсам, общественно-политическом устройстве и т.д., предлагаются те или иные меры «культурной политики», причем понимаемой весьма узко – как культурно-массовые мероприятия, пропаганда культурного наследия и достижений.

На мой взгляд, истоки этого в фундаментальных характеристиках культуры, иногда – в разного рода переходные, переломные эпохи – «неожиданно» для публики и исследователей становящихся видимыми и проблематичными. Используя привычную метафору «айсберга культуры» можно сказать, что это ситуация, когда «айсберг» переворачивается и вынуждены обратить внимание на сметающие нас «волны» смыслов и наконец заметить их могучий «материализовавшийся в знаках» источник. Можно предложить и другую картинку, которая в большей степени соответствует авторскому пониманию свойств культуры. Культура сегодня – это не застывший (замороженный принятыми аналитическими стратегиями и философскими традициями) айсберг, а скорее, вулкан. Э. Тоффлер описывал это состояние культуры так: «Нас настигает все новая информация, и мы вынуждены постоянно пересматривать картотеку образов... Одноразовое искусство, быстро снятые комедии положений, снимки, сделанные «Поляроидом», ксероксы, образчики изобразительного искусства, которые пришипивают, а затем выбрасывают. Идеи, верования и отношения, как ракеты, врываются в наше сознание и внезапно исчезают в никуда... Знаменитости порхают, делают пируэты, атакуя наше сознание противоречивыми политическими и моральными лозунгами» [3, 265–266].

Нагромождения артефактов и других «окаменелых» знаков скрывают динамичное ядро, свидетельства активности которого чаще предстают нашему взору в виде дымного облака форм подвижных, изменчивых (многочисленных локальных, групповых и т.п. суб- и контркультур), впрочем, оседающих пылью, пеплом и прочим мусором, собственно и составляющим «гору» культуры. Культура в ее привычном понимании накопленного наследия и более-менее актуализируемого опыта, на чем акцентирует внимание А.Я. Флиер, никуда не исчезает – ни как часть реальности, ни как предмет исследования. Однако «пена дней» и «дымовая завеса» актуальных культурных форм отчасти заслоняют «вечные» и «вчерашние» ценности, а отчасти – действительно интереснее и важнее как часть сегодняшней (по крайней мере) жизни, даже если она нами воспринимается лишь поверхностной имитацией «подлинных ценностей» или виртуальной технической – десоциализированной и деантропофицированной – средой.

Культура, следовательно, есть по содержанию нечто искусственное и латентное, порождающее некоторые явные и демонстрируемые формы, кажущиеся нам естественно возникающими или спонтанно нами придумываемыми.

Оговорюсь, что хотя далее по тексту преимущественно употребляется термин «культура» в единственном числе, это связано в большей степени с потребностью упрощения изложения. «Культура» в единственном числе является абстракцией очень высокого уровня, не обозначая никакую реальность, которая была бы нами переживаема, наблюдаема, фиксируема научными процедурами. Данный термин можно рассматривать как условное название для а) множества конкретных явлений, б) не образующих единой системы, это многообразие сосуществующих целостностей (хотя, как будет показано ниже, границы этих целостностей не совпадают с границами родственных и эндогамных сообществ, территориальными и другими физическими и биологическими разделениями). Данной способ словоупотребления, как представляется, отличается от предлагаемого А.А. Пелипенко. Он фиксирует, что А.Я. Фли-

ер «косвенным, полуметафорическим образом» придает культуре черты субъекта и призывает сделать это прямо, считая, что культура действительно проявляет свойства субъекта и ее субъектность возрастает в процессе эволюции. Встает вопрос: кто этот субъект? какая из множества существующих социальная группа или общность? или каждый член культуры или какая-то часть его личности? или некоторая сверхъестественная сила логоса, обладающая собственным существованием? При таком антропоморфном и метафизическом подходе не уместна антропологическая и историческая аргументация, используемая этим автором. Позиция А.Я. Флиера в этом смысле не столь прямолинейна, что, естественно чревато и противоречиями. Он фиксирует, что «исторически всегда существовали и существуют сегодня только локальные культуры», однако подразумевает под локальными культурами — этнические. Отсюда и неизбежная постановка сомнительного вопроса о возможности всех объединяющей «глобальной» культуры. Ю.М. Резник, констатируя, что «культура всегда “больше” чем то, что вытекает из временных договоренностей людей, но ... “меньше” всего человеческого универсума», говорит о «Культуре» в единственном числе как «трансцендентном (мета- и сверхкультурном)» начале, присутствующем в конкретной культуре. В данном случае метафизический подход к культуре последовательно развивается в понятии трансперсональности, а конкретные культурные различия в самой персональности также успешно игнорируются.

Рассматриваемые мной свойства искусственности и латентности характерны как культурам как целостностям, так и каждому конкретному явлению и эпизоду культуры.

Понимание культуры как чего-то *искусственного* (системы, целостности, набора способов деятельности, результатов символизации, рассматриваемых в экстра-соматическом контексте...) подразумевает, что в ней присутствуют определенные «изобретенные» человеческим сообществом *техники*, позволяющие фиксировать определенные *символы*. Соединение техники и символизации обеспечивает возможность выражать и понимать те или иные *смыслы*. Однако это соединение редко бывает равновесным, и любое культурное явление постоянно трансформируется, в конкретных формах и эпизодах его существования могут преобладать либо технизация и утилитарность, либо символизация и эстетичность.

В первом случае растет инструментальное, ориентирующее значение предмета культуры, ритуала и т.д., он формализуется, рационализируется, становится все более утилитарным, связанным с нормой, и функционирует как часть социального пространства, названного Ю. Хабермасом «системным миром». В другом случае он эстетизируется и начинает приобретать художественное значение: из вербальной коммуникации рождается литература, из магического знака — образ изобразительного искусства. Возможны и сложные комбинации этих тенденций: предмет искусства, продаваемый на аукционе и приобретаемый как элемент престижа и способ вложения средств (а не часть художественной коллекции) имеет утилитарную ценность в данном эпизоде, хотя и обусловленную прагматическим восприятием и документированием его художественных достоинств и соответствия определенной эстетической норме. Однако здесь проявляются уже иные характеристики культуры.

Заметим, тем не менее, что преобладание того или иного направления трансформации культурных форм связано со спецификой исторического развития общества. Общества одного типа становятся все более технологизированными, формальными и рациональными — этот путь обычно описывают как путь западной цивилизации. Дру-

гие — развивают эстетическое начало, это культуры, часто называемые восточными, где сами социальные отношения превращаются в искусство (и кажутся западному человеку надуманным ритуалом), искусство вносится в повседневные взаимодействия.

Это противопоставление привычно и скрывает сложность происходящего, как и любая стереотипная формула. Поэтому в рамках краткой реплики в дискуссии, неизбежно ограниченной логикой полемики, не будем затрагивать вопрос о многообразии и различии культур к Востоку, Югу и Западу от очага распространения культур европейско-атлантических. Укажем лишь, что в последних уже с начала XX в. разворачивались и тенденция к технической утилитарной рационализации, и к символизации культуры, что нашло отражение не только в повседневном сознании, но и философских рассуждениях. С одной стороны, рождается мир, в котором «не событиями захвачено все существо человека, а символами иного... Искусство есть гениальное познание... С изменением теории познания меняется отношение к искусству. Оно уж больше не самодовлеющая форма; оно и не может быть призвано на подмогу утилитаризму» [1, 246-247].

С другой стороны, торжество этой эстетизированной аудиовизуальной и кинестетической культуры не принимается нами вполне всерьез и как достойная альтернатива утилитарному, коммерциализированному, (высоко)технологичному вещизму повседневности. «Становясь совершенной, форма отводит человеку роль стороннего созерцателя собственного могущества (здесь и далее курсив Ж.Б.)... подобное техническое могущество ... не может более и выражаться в символах — функциональные формы способны лишь коннотировать его... Быть может, именно здесь следует искать причину того, что после первой технической эйфории у облагодетельствованных чудо-вещами появляется какое-то угрюмое довольство, равнодушие и невольный страх пассивных зрителей своего могущества» [2, 63-65].

Попытки осмыслить соотношение и, что важно, взаимопереплетение этих тенденций, осуществляются при переопределении искусственности культуры как *перфомативности*. Перфомативная парадигма рассматривает культуру как медиума (т.е. вносящего свои смыслы посредника), который позволяет представлять, демонстрировать отношения и реалии с помощью различных приемов и шаблонов, образцов, способов действий, сценариев, наборов знаков и другого «реквизита», ритмов, метафор... Таким образом, анализ перфоманса предполагает учет и эстетической стороны культурного явления, и утилитарных целей и техники социального действия, делая предметом исследования «эстетику действия», «экологию и смысл материальной культуры», «невербальные презентации» и т.п. (см. прим. 1).

И утилитарная, и эстетическая тенденции эволюции искусственности демонстрируют как усложнение, так и упрощение форм культуры. Поэтому утверждение А.А. Пелипенко о действии «трансцендентного вектора наращивания сложности, дифференцированности» нуждается в уточнениях. Наряду с тенденциями к усложнению форм (арогенез, морфологический прогресс), росту адаптивного многообразия (аллогенез, приобретение идиоадаптаций) как векторам эволюции биологической и социальной, присутствует и тенденция упрощения (катагенез — эволюционное направление, сопровождающееся упрощением организации, которое несмотря на это приводит к биологическому прогрессу) (см. прим. 2).

Этот сюжет связан с другим отмеченным в начале статьи свойством содержания культуры — ее *латентностью*, что подразумевает признание ее особым маскирующим

и мистифицирующим механизмом: то, что явно – проговорено, кодифицировано, объяснено – становится уже не культурным, а социальным фактом. Данная особенность проявляется и приведенном выше примере с произведением искусства как объектом утилитарного потребления: переход от художественного, эстетически значимого существования к утилитарному, техническому осуществляется не прямо, а через «инобытие» (или «вне-бытие») предмета или действия по отношению к культуре, что осуществляется в виде документального подтверждения происхождения, теоретических спекуляций по поводу жанровой принадлежности и художественных достоинств, рыночной оценки стоимости... Во всех этих эпизодах своего существования предмет или жест, действие выступает не столько как явление культуры, сколько как посредник в социальных отношениях организации какой-либо специализированной деятельности и средство обозначения соответствующих социальных статусных позиций.

«Губительность» для латентного содержания культуры его «извержения» видна на многих примерах: явная моральная или идеологическая проповедь менее эффективна как воспитательные средства, чем разного рода латентные стратегии; создание «корпоративной культуры» или бренда (не обязательно товара, может быть и региона) требует тонкого баланса между заявленными целями («миссией») и подразумеваемыми ценностями. Утрата латентности здесь ведет неприятно транслируемых сообщений и образов как культурных, ценностно значимых, восприятию их лишь как утилитарных политических или рыночных инструментов.

Функционирование культурных явлений в социально-организационных отношениях действительно, как пишет А.Я. Флиер, можно уподобить роли «внутреннего милиционера», «следающего за социальной упорядоченностью нашего поведения», и определяется оно обычно как функция «*легитимации*» социальных норм латентным содержанием культуры – ценностями, знаниями-объяснениями и аффективными оценками (модальным, эмоциональным «окрашиванием»). Однако, на мой взгляд, важно иметь в виду, что какой бы разнородной и многообразной не представлялась нам культура, *ценности и знания в ней всегда иерархически упорядочены*. И этот символический порядок, легитимизируя те или иные социальные нормы, утверждает различные социальные порядки, в разной степени формализованные институционально и узаконенные (легализованные) формально-правовыми нормами. Именно поэтому в конкретной культуре может ценностно оправдываться нарушение закона, причем с отсылкой к высшим, религиозным ценностям, процветать «неформальная» экономика и коррупционная политика, наряду с бытовой «круговой порукой». Тогда «грех важнее преступления, о котором имеются понятия весьма туманные. Понятие о преступлении у народа таково: преступно то, что наказуемо по закону. В то же время, не все нарушения, которые по мнению крестьян совершать грешно, преследуются законом... Мировые сделки между виноватыми и потерпевшими иногда случаются (напр., при совершении лесных порубок, мошенничестве, кражах). Самый обычный выход со стороны потерпевшего при необходимости судиться состоит в том, чтобы заявить: “Вещь не украдена, а взята самовольно”, – ибо такая фраза говорит о самоуправстве, при котором возможно примирение» (см. прим. 3).

Таким образом, следует всегда иметь в виду сложность устройства любого общества и множественность культурных и социальных порядков в нем. Поэтому высказывание Ю.М. Резника, что «порядка в нашем недавнем прошлом, когда режим в СССР именовался не иначе, как тоталитарный, было много», требует уточнения –

какого порядка? Лицемерно поддерживаемого, заданного на формальном, «бумажном» уровне? или криминального (с учетом в том числе и того, сколько людей имели опыт заключений и ссылок)? Глубокий разрыв формального и неформального поведения, номенклатурной и «народной» культур, соответствующих «институтов» (в этнографическом, интерпретативном их понимании) говорит скорее об отсутствии порядка, который связывал бы общество воедино.

Латентный характер культуры имеет своим следствием и то, что структурированность и иерархичность символического пространства ценностей (описанная П. Бурдьё) маскируется на уровне явлений культуры, трансформируя социальные различия и неравенства нормативных возможностей / ответственности в «чисто культурные»: этнические и локальные (о которых так много пишет А.Я. Флиер), субкультурные (последние могут далее сколь угодно подробно детализироваться по поколенческим, возрастным, профессиональным, ролевым и пр. признакам, в т.ч. не только утилитарным, связанным с социальными функциями, но и эстетическим, стилевым).

Сравнивать различные ценностные способы задания символической иерархии через сопоставление взаимоотрицающих ценностей — один из часто используемых приемов культурологического исследования, однако каждый раз встает вопрос о выборе сопоставимых оснований сравнения. Представляется, что антитезы польза—благо, хорошее—плохое, счастье—несчастье, предлагаемые Ю.М. Резником, не вполне соответствуют этому требованию. Если первая пара понятий действительно фиксирует существенное ценностное различие, причем каждая ценность является основой определенной символической иерархии и может определять смысл жизни и жизненную стратегию, то следующие пары построены по принципу «отрицания ценности», вторые понятия в них вряд ли кем-то рассматриваются как смыслы жизни для себя. Видимо, необходимо найти другие идеологемы и ценности, сопоставимые с «хорошим обществом» и «счастливой жизнью», если они, конечно, существуют.

Не обсуждая, действительно ли, как утверждает А.Я. Флиер, «культура является производным от общества» и неких договоренностей людей между собой (заметим, вряд ли возможных без некоторого разделяемого языка), обозначим указанную выше способность культуры маскировать и одновременно (в виде масок — будь то собственно маски, другие предметы одежды, или же автомобили и наименования должностей и пр.) демонстрировать социальные различия *вторичной социальностью культуры*, порождающей разные социальные культуры — в крайнем выражении разницу между ними показывает сопоставление «культуры Давоса» и «культуры фавел» или (в отечественном варианте: «Рублевки» и «хрущоб»). Очевидно, что никакая межкультурная коммуникация в ее прекраснородушном туристическом или просветительском понимании между этими социальными культурами не возможна, однако их существование определенным образом легализовано социальными нормами (позитивно или негативно) и легитимизировано ценностно (опять-таки как позитивно, так и негативно). Социальную культуру можно определить как иерархию ценностных, знаниевых и аффективных компонентов, задающую символические пределы некоторой социальной группы. В этом смысле любая культура действительно есть некоторая «локальная стратегия», но ее локальность — не географического или иного примордиального рода, а является локальностью символического пространства. Используемый мной термин «социальной культуры» и понятие «социальной культуры», рассматриваемое Ю.М. Резником, соотносятся как омонимы.

Социальность культуры вторична постольку, поскольку является результатом локального, группового присвоения содержания культуры, разделяемого этой группой с другими. Возможности такого присвоения (которое можно описывать в терминах аккультурации, интерпретации, конструирования и т.п.) задаются типом структурирования ценностей и знаний в иерархии культурного порядка. То, что можно рассматривать как универсалии культуры, существует не на уровне ее содержания, а на уровне смыслов — т.е. способов структурных связей.

В данном случае используется принятое в семиотике понимание смысла, опирающееся на работы Г. Фреге: «смысл знака — это то, что отражает *способ представления* обозначаемого данным знаком» (курсив Н.И.) [4, 44]. Там же Фреге констатирует, что смыслы, с одной стороны, многообразны (т.е. одни и те же элементы иерархии могут быть связаны разными способами), эмоционально окрашены, а с другой стороны — поскольку это структурные связи, не сводимые к значениям, которые они связывают, — то «именно благодаря смыслам знаков человечество сумело накопить общий багаж знаний и может передавать его от поколения к поколению» [4, 46].

Последний звучащий и в статье А.Я. Флиера мотив — культура как «вчерашний по определению» совокупный социальный опыт и традиции — на мой взгляд, тоже фиксирует лишь маску или миф культуры: она делает вид, что является наследием, освященным санкцией предков или предания. Тем не менее, *делая вид, что является механизмом и результатом преемственности прошлого и настоящего, культура латентно конструирует будущее, и это является ее основной функцией*. Этот сюжет намечает Ю.М. Резник, однако, на мой взгляд, он заслуживает не беглого упоминания, а специальной разработки. Любая ценностная иерархия направлена в будущее: именно недосыгаемая, но в перспективе, за горизонтом, манящая высшая ценность создает присущее культуре духовное напряжение, будь то концепция спасения, социальная утопия, пропагандистский идеал, потребительский рай или любое другое желаемое будущее. Также и ценность знания мы связываем с его прогностическими, а не просто ретроспективными объяснительными возможностями. Аффективность в западной мыслительной традиции — на ценностном уровне — стоит ниже в культурной иерархии, однако западные духовные практики описывают запредельный эмоциональный опыт, также воспринимаемый как достигаемый не здесь и не сейчас, и тем более не вчера (см. прим. 4).

Видимо, в ряде случаев результат реализации этого механизма программирования будущего (Г. Хофстеде: «культура как коллективное программирование умов»), конструируемые культурой (возможно, точнее, ее агентами) идеалы и утопии, могут быть дисфункциональны с точки зрения социальной системы. Однако эту же оговорку следует делать в отношении любых функционирующих элементов социокультурной реальности.

Поскольку это, безусловно, латентная функция культуры (по сравнению с такой явной, как, например, пропаганда исторического наследия), проблемы в ее осуществлении не ощущаются и не рефлексированы, пока не происходит ее полная «разладка», что можно считать признаком глубокого культурного кризиса. Используя предложенную в начале статьи метафору: вулкан взорвался, основания разрушились, лава вытекла и остыла, и ничто уже не греет человека в его обыденном прозябании. Что делают в этой ситуации институты культуры и другие организации, ответственные не только за культурную в узко ведомственном смысле политику, но и за патриотическое воспитание, формирование национальной идеи, общероссийской идентичности и т.п.? Руководствуясь привычными представлениями о функциях культуры, пропагандируют

наследие и прошлые достижения (см. прим. 5), выбирают историческое «Имя России», столь же нагруженные традициями и природной укорененностью «7 чудес России» (см. прим. 6). При этом становится очевидно, что эти явные реинтерпретации настоящего и прошлого основываются на некоторой ценностной шкале, консенсус об иерархии и направленности («в какое будущее?») которой еще не достигнут. Собственно, вопрос о создании приемлемого и разделяемого членами культуры, обозначаемой как «общероссийская», образа будущего не артикулируется, а ведь эти самые члены и творцы культуры имели длительную, в несколько культурных поколений, практику явного представления такого образа, включавшего как официально артикулируемые идеалы, так и их нелегальные, но ценностно легитимные смысловые трансформации в «кухонных», «подпольно-подвальных» и прочих «застеночных» дискурсах.

Итак, возвращаясь вновь к дискуссии о культуре, ее неизбежности, неизбежности и социальной полезности, резюмируем. Неизбежность культуры не в навязанном нам ею прошлом, а в латентном механизме конструирования иерархии ценностей, знаний, аффектов, связанных смысловыми структурными связями. Это содержание продуцирует множество разнообразных форм — от культуры отдельной личности до государственных (национальных) культур — которые могут быть утилитарными и оцениваться с точки зрения технического совершенства, или же эстетически и символически значимыми «чистыми формами». Эти формы культуры демонстрируют нам различные маски — притворяясь этническими традициями, корпоративными философиями, местными обычаями, профессиональными кодексами, субкультурными сленгами или художественными жанрами. Однако за этими масками скрываются социальные различия в присвоении символического пространства и его ресурсов (сокровищ и капиталов). Смысловая структура иерархического порядка культуры задает направленность от прошлого — к будущему, и образ, объяснение и высшая ценность будущего являются важнейшим латентным содержанием культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельй А. Символизм как миропонимание. М., 1997.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
4. Фреге Г. Смысл и значение // Семиотика. Хрестоматия / Под ред. Л.Л. Федоровой. М., 2005.

Примечания

1. См., например: http://www.europeansociology.org/index.php?option=com_content&task=view&id=25&Itemid=29
2. См.: Северцев А.Н. Главные направления эволюционного процесса. М., 1994. Уточнения и оговорки, необходимые при рассмотрении общих тенденции и «векторов» социальной эволюции хорошо изложены в: Коротаев А.В. Тенденции социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
3. Цит. по: Быт великорусский крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (на примере Владимирской губернии.) СПб., 1993. С. 58-59 [85, Ю., л.7-9, 10].
4. Концепция М. Мид пост-, ко- и префигуративных культур фиксирует важность обращенности в будущее лишь для западных культур с середины XX в. (См.: Мид М. Культура и мир детства. Избр. произв. М., 1988. С. 322 и далее). Однако, на мой взгляд, приводимая ею типология описывает степень латентности-явности в осуществлении этой функции: от будущего, «непрозрачно» замаскированного под прошлое, к транспарентному образу будущего, в котором «просвечивают» структурирующего реперные точки — ценности и связывающие их смыслы.
5. См., например: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р), доступно по ссылке: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mert/resources/3879cd804ab8615ab426fc4234375027/kdr_171108.doc, просмотрено 12.01.2009.
6. См.: <http://www.nameofrussia.ru/>; <http://www.ruschudo.ru/finalvote.html>.